
УДК 81'37:81'255.2

ББК 81.032

В 67

Волкова Р.А.

Преподаватель русского языка и литературы Кубанского техникума экономики и недвижимости, соискатель кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета, e-mail: volkoff-83@mail.ru

Нечай Ю.М.

Доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета, e-mail: nechay_up@mail.ru

**Семантика и функции эмоционально-экспрессивной
частицы *doch* в художественном тексте
(на материале языка прозы Э.М. Ремарка
и ее переводов на русский язык)
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматривается семантико-функциональная специфика модальной частицы *doch*. Показано, что она, обладая способностью выступать в составе предложений различной целеустановки, способствует реализации ряда важных иллокутивных намерений говорящего, обеспечивающих ему возможность активного влияния на ход речевой коммуникации с целью достижения желаемых прагматических результатов. Анализу подвергнуты также варианты ее трансформации в русских переводах.

Ключевые слова:

Частица, модальность, эмоционально-экспрессивные частицы, семантико-функциональные особенности, иллокутивные индикаторы, адекватность перевода.

Volkova R.A.

Teacher of the Russian language and literature of the Kuban technical secondary school of economy and real estate, applicant for Candidate degree of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, the Kuban State University, e-mail: volkoff-83@mail.ru

Nechay Yu.M.

Doctor of Philology, Professor of Department of General and Slavic-Russian Linguistics, the Kuban State University, e-mail: nechay_up@mail.ru

**Semantics and functions of an emotional
and expressional particle of *doch* in the art text
(from materials of the language of E.M.Remarque's prose
and its translations into Russian)**

Abstract:

The paper discusses the semantic-functional specificity of modal particle *doch* in the works of E.M.Remarque. Being the part of the sentences that have different aims, it

---

promotes implementation of important illocutionary intentions of the speaker, providing him an opportunity to influence the course of verbal communication in order to achieve the desired pragmatic results. An analysis is also made of variants of its transformation in the Russian translations.

Keywords:

Particle, modality, emotional and expressive particles, semantic and functional features, illocutionary indicators, adequacy of translation.

Повышенный интерес к вопросу модальных и особенно эмоционально-экспрессивных частиц с точки зрения выполняемых ими коммуникативных функций обусловлен, как известно, недостаточной разработанностью в современной лингвистической науке вопросов, связанных с интеракциональным характером этой категории слов как в немецком, так и в русском языках и их национальной спецификой.

Особый интерес частицы представляют как языковые единицы, связанные с реализацией коммуникативного задания и обеспечивающие одновременно целостность содержания структуры текстового отрезка и в то же время аналитическую расчлененность синтаксической цепочки. Взаимодействуя с другими средствами языка, частицы прагматически маркируют текст, поскольку способствуют не только выражению субъективных позиций автора, но и имеют направленность на получателя.

Анализ многочисленных исследовательских работ свидетельствует о том, что немецким лингвистам функция данной категории слов видится в выражении эмоций, в оформлении динамики предложения, в выражении отношения говорящего к сказанному, в способности выступать в роли иллокутивных индикаторов высказывания, в выявлении пресуппозиции [1].

В «Грамматике русского языка» эта категория слов делится на частицы, выражающие эмоциональные реакции говорящего, волеизъявление, и частицы, устанавливающие разнообразные связи и отношения сообщения с его источником, с другими частями сообщения, с другими событиями и фактами.

Вопрос о выделении эмоциональных частиц в особый класс слов впервые в отечественной лингвистике был поставлен Е.М. Галкиной-Федорук. Частицы, «оттеняющие эмоциональную строку речи или усиливающие выразительность», она назвала эмоционально-экспрессивными. По ее мнению, такие частицы могут «усиливать»: а) интеллектуальное содержание в речи, б) вопросительную силу предложения, в) эмоциональный оттенок высказывания. При этом разграничение эмоциональных и экспрессивных представляется весьма затруднительным, поскольку усиление выразительности какого-либо значения окрашивает и эмоциональную речь [2].

В своих исследованиях мы склонны придерживаться мнения, что противопоставление понятий эмоциональная и экспрессивная частица бессмысленно, поскольку на синтаксическом уровне эмоциональные значения связаны с выражением чувственной реакции говорящего, не соотнесенной с вещественным содержанием сообщаемого. Экспрессивные же значения соотнесены непосредственно с выражением говорящим вещественного содержания предложения. Они наслаиваются на основное вещественное содержание в виде разного рода усилительных оттенков. Поэтому и сами частицы нельзя характеризовать как «собственно эмоциональные» или «собственно экспрессивные». Они, наряду с экспликацией эмоционально-экспрессивных значений в высказывании, выступают параллельно и как средства выражения модальных значений (субъективно-модальных, а иногда и объективно-модальных значений).

Рамки нашего исследования не позволяют охватить весь объем эмоционально-экспрессивных частиц и представить широкую панораму их функционально-семантических и переводческих реализаций. Поэтому в качестве примера воспользуемся наиболее частотной в употреблении частицей *doch* и рассмотрим ее эмоционально-экспрессивный потенциал в примерах из художественной прозы немецкого писателя Э.М. Ремарка.

Наши наблюдения позволяют отметить, что при помощи частиц *doch*, *ведь*, *же*, *всё же* и *всё-таки* вводится: 1) сообщение или оценка, которые противоречат некоторым обстоятельствам (ранее упомянутым в контексте), а вместе с тем, ожиданиям или установкам слушающего; 2) реплика-реакция на отрицание собеседником исходного высказывания говорящего. Например, выбор частицы *всё-таки* маркирует оценку сообщаемого как нежелательного или маловероятного. С другой стороны, немецкая частица *doch* и русские *же* и *ведь* выполняют также общие функции, а именно при введении: 1) аргумента против позиции или поведения слушающего; 2) корректирующей реплики; 3) реплики-реакции, выражающей резкое несогласие говорящего с высказыванием собеседника. Но при этом следует отметить, что степень конфликтности реплики с *doch* на порядок выше, чем в случае с *ведь*, что часто компенсируется при переводе путем добавления к частице *ведь* противительного союза или дополнительной частицы. А использование частицы *же* повышает риторическую активность говорящего, то есть его заинтересованность в воздействии на позицию или поведение слушающего [3].

Анализ словарных соответствий свидетельствует о том, что в них не помечены условия выбора той или иной частицы при переводе. Общее значение частицы *doch* заключается в противоречии двух точек отсчета. Такое противоречие

может выступать даже как потенциальная предпосылка, но не выражаться эксплицитно, например:

Er (der Bäckermeister – R.W.) zeigte auf das Verdeck. «Das ist mit drin, nicht wahr?»

«Wieso?» fragte Otto. «Es ist doch ganz unbeschädigt.»

Der Bäckermeister machte eine ungeduldige Bewegung. «Natürlich. Aber ein neues Verdeck kann doch dabei abfallen. Ist ja ein ziemlich großer Auftrag für Sie. Wir verstehen uns, was?» (Remarque. Drei Kameraden). –

Пекарь показал на складной верх автомобиля.

– Это тоже входит в оплату?

– О чем вы говорите? – удивился Кестер. – Ведь верх совершенно цел. Пекарь раздраженно передернулся.

– Сам вижу. Но разве из общей суммы нельзя выкроить деньги на новый верх? Вы получили довольно крупный заказ, и я надеюсь – мы поймем друг друга.

– Нет, не поймем, – сказал Кестер (Пер. И. Шрайбера).

Как видно из приведенного примера, основным компонентом в инвариантном значении *doch* является сема «противопоставление». Речь идет о несоответствии положения дел, поскольку ремонт крыши машины не входит в объем намеченных и оговоренных работ. Тем не менее, булочник навязывает мнение, что необходимо произвести и ремонт крыши автомобиля. При этом мнение исполнителя работ Отто Кестера вступает в противоречие с мнением булочника. Имеет место и развитие данного противоречия. Булочник пытается доказать, что заплачена большая сумма за ремонт и ее должно хватить также на ремонт крыши автомобиля.

В репликах Кестера и булочника используется эмоционально-экспрессивная частица *doch*. В первой реплике Кестер употреблением частицы пытается опровергнуть довод булочника (*Es ist doch*

ganz unbeschädigt / Ведь верх совершенно цел). Это ему частично удастся (*Natürlich / Конечно, конечно*), тем не менее, заказчик, вследствие своей жадности, пытается отыскать любую выгоду, приводя уже в качестве мотивировки довод о том, что за ремонт заплачена, по его мнению, большая сумма и ее должно хватить и на выполнение данной работы (*Aber ein neues Verdeck kann doch dabei abfallen / Но ведь общая-то сумма большая*). Для обеих частиц важным в данном случае является именно элемент противопоставления.

Рассмотрим затронутую проблему немного шире и обратимся к семантике русских частиц *все-таки* и *все же*. Например, в словаре «Русских частиц» Э. Шимчук и М. Щур [4] мы обнаруживаем перечень конкретных случаев употребления этих частиц и описание их значений. Так, частица *все-таки* может выражать существование события, признака или точки зрения на некоторое положение дел, которые оцениваются как «нежелательные, невозможные или маловероятные» в силу того, что им противопоставляется другое. В семантике *все же* также присутствует противительный компонент: некоторое событие, факт или признак не соответствуют представлениям, установкам и желаниям говорящего, например:

Das war ganz gut wiedergehauen. Ich nickte. «Werde ich machen. Hoffe doch, daß sie den Wagen kaufen wird» (Remarque. Drei Kameraden).

Это был неплохой контрудар. Я кивнул.

– Ладно, позвоню. Надеюсь, она все-таки купит машину (Пер. И. Шрайбера).

В реплике Робби «*Hoffe doch, daß sie den Wagen kaufen wird*» употребление частицы *все-таки* свидетельствует о том, что Робби *уверен*, правда, *не в полной мере* в решении фройляйн Бомблат купить машину.

В работе К. Бонно, посвященной исследованию семантического варьирования дискурсивных слов [5], подчер-

кивается, что *ведь* указывает на то, что вводимая информация, будучи адекватной, является одновременно релевантной для правильной интерпретации ситуации адресатом речи. Гарантом адекватности является действительность, гарантом релевантности – говорящий. А инвариантное значение частицы *же* состоит в том, что она маркирует сохранение точки слежения в сфере введенного в предтексте когнитивного объекта. Исходя из этой формулировки, трудно сделать какие-либо выводы о наличии общих компонентов семантики *же* и *doch*. Однако на уровне конкретных употреблений *же* и *doch* в художественных текстах романов Э.М. Ремарка обнаруживаются сходства в семантике этих частиц, например:

Der Geiger sah sich verlegen um. /.../ Er wußte nicht, wohin er blicken sollte.

«Ich kann doch hier nicht spielen», sagte er schließlich (Remarque. Liebe Deinen Nächsten).

Скрипач смущенно огляделся. /.../ Мужчина не знал, куда ему деть глаза.

– Я же не могу здесь играть, – наконец вымолвил он (Пер. Е. Никаева).

В данном случае ответная реплика музыканта на вопрос девочки «*Warum spielst du dann nicht?*» трансформируется на русский язык с учетом возрастного компонента ребенка в виде реплики: «*Я же не могу здесь играть!*». По причине того, что вокруг много народа, само место для этого не подходит, да и игра его будет понята неправильно. Эмоционально-экспрессивная частица *же*, в которой изначально присутствует противительный компонент, преобразует реплику в мягкий ненавязчивый отказ.

В художественных текстах романов Э.М. Ремарка довольно часты также случаи употребления немецкой частицы *doch* в утверждениях, где она выполняет функцию усиления установки говорящего и способствует преодолению существующего в момент речи противоречия. Например, в последующем примере Керн,

используя в своей реплике эмоционально-экспрессивную частицу *doch*, напоминает Штайнеру о том, что тот не еврей, это надо учитывать и не менять так часто местá своего проживания. Керн актуализирует известную обоим информацию с целью изменить его представление о положении дел и получить с его стороны согласие или одобрение:

Steiner erwiderte nichts. Er rauchte. Die Zigarette glomm auf, wenn er zog, und beleuchtete sein verschattetes Gesicht. «Weshalb bist du eigentlich unterwegs?» fragte Kern zögernd. «Du bist doch kein Jude!» (Remarque. Liebe Deinen Nächsten).

Штайнер молчал и курил. При за-тяжках огонек сигареты освещал его лицо.

– *Зачем, собственно, ты кочуешь по свету? – спросил Керн. – Ведь ты не еврей!* (Пер. И. Шрайбера)

Представленный ниже пример позволяет отметить и такую особенность, как отличие частицы *ведь* от *же*, *всё же* и *всё-таки* и немецкого варианта *doch*, поскольку в высказывании Керна с частицей *ведь* имеет место определенная адекватная информация, а гарантом адекватности выступает именно действительность:

Der Alte sah vor sich hin. /.../ «Wenn sie (Mutter – R.W.) nicht mehr mit mir verheiratet ist, kann sie doch zurück. Ich bin doch schuld. An dir auch. Meinetwegen hast du keine Heimat mehr» (Remarque. Liebe Deinen Nächsten).

Старик смотрел куда-то мимо./.../ – Если мама перестанет быть моей женой, она сможет вернуться. Виноват я, и только я! И перед тобой тоже. Из-за меня ты лишился родины (Пер. И. Шрайбера).

Высказывание с частицей *ведь* обладает возможностью варьирования при-

знаком «известность» информации. В данном случае старик может вводить как известный, так и неизвестный для сына аргумент. Тем не менее, частица *ведь* способствует тому, что информация вводится как нечто «новое», она впервые или заново актуализуется в сознании сына.

Нередко переводчики опускают частицу *doch* или обращаются к иным языковым средствам, например:

Die Schwester suchte und suchte. «Wie war doch der Name?» fragte sie (Remarque. Liebe Deinen Nächsten).

Сестра все никак не могла найти нужную страницу. – Повторите, как ее зовут (Пер. И. Шрайбера).

Русский вариант перевода реплики *Wie war doch der Name?* не содержит частицы. Переводчик не употребил ее при трансформации реплики вполне осознанно, поскольку присутствие таковой внесло бы в высказывание определенную деструкцию как в модальном, так и эмоционально-экспрессивном отношении. Реконструкция вопросительного предложения оригинала с выносом глагола на первое место в форме императива позволила И. Шрайберу достичь предельной адекватности.

Изучение семантико-функциональных особенностей частицы *doch* свидетельствует о том, что эта частица, обладая способностью выступать в составе предложений различной целеустановки, способствует реализации ряда важных иллокутивных намерений говорящего, обеспечивающих ему возможность активного влияния на ход речевой коммуникации с целью достижения желаемых прагматических результатов и соответствует русским частицам *ведь*, *же*, *всё же* и *всё-таки* и некоторым другим.

Примечания:

1. Linguistische Pragmatik / D. Wunderlich (Hrsg.). Frankfurt am Mein, 1975. S. 209-254.

-
2. Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык. М., 1964. 199 с.
  3. Мефлех М.В. Экспрессивно-оценочные функции фразеологических единиц в романе М. Митчелл «Унесенные ветром» и его переводах на русский язык // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2010. Вып. № 1. С. 119-125.
  4. Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц // Berliner slavistische Arbeiten. В. 9. Frankfurt am Main, 1999. 202 S.
  5. Бонно К., Кодзасов С.В. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линейризацию и интонирование (на примере частиц *же* и *ведь*) // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998. С. 382-443.

References:

1. Linguistische Pragmatik / D. Wunderlich (Hrsg.). Frankfurt am Mein, 1975. S. 209-254.
2. Galkina-Fedoruk E.M. The modern Russian language. M., 1964. 199 pp.
3. Meflekh M.V. Expressive and evaluative functions of phraseological units in the novel of M. Mitchell «Gone with the Wind» and its translations into Russian // The Bulletin of the Adyghe State University. Series Philology and the Arts. Maikop, 2010. Issue No. 1. P. 119-125.
4. Shimchuk E., Shchur M. Dictionary of Russian particles // Berliner slavistische Arbeiten. В. 9. Frankfurt am Main, 1999. 202 S.
5. Bonno K., Kodzasov S.V. A semantic variation of discursive words and its influence on the linearization and intoning (based on the particles *же* and *ведь*) // Discursive words of the Russian language: the experience of contextual and semantic description. M., 1998. P. 382-443.